

СОЛЬ РЕШЕТНИКОФФ

♃

ВОДОЛЕЙ★ СНИМАЕТ МАСКУ

Астрологический детектив

3-я книга серии 'Романы о знаках зодиака'

Соль Решетникоф
Водолей снимает маску

«Автор»

2026

Решетникоф С.

Водолей снимает маску / С. Решетникоф — «Автор», 2026

Еще вчера она была невестой, сегодня — вдова, а завтра рискует стать мишенью. Полиция тосканского Прато закрывает дело о гибели ее жениха как самоубийство. Но Лола Давидофф не просто журналистка, она еще и астролог, ее ремесло помогает ей увидеть то, чего не замечают другие: в натальной карте жениха есть указание на гибель от рук врагов. В городе, где древнее ткачество срастается с цифровыми технологиями, действует секта. Ее виртуальный двойник уже создан, а близкая подруга-кондитер — следующая в списке. Даже звезды, которым Лола доверяла, молчат. Ей придется либо довериться небу, либо попросить о помощи того, кого она считала своим врагом, ведь цена ошибки — жизнь. "Звезды не лгут. Лгут те, кто их читает" Имеет ли кто-то право отнять у человека неопределенность его судьбы?

© Решетникоф С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Соль Решетникоф

Водолей снимает маску

Глава 1

20 января 2018.

Солнце только что вошло в Водолей, Уран ломал законы жизни в пух и хаос. Нептун подмешивал в мысли туман, а Меркурий, зажатый Плутоном, терял голос. Звёзды уже ткали новый сценарий, но его никто не ждал.

Дождь, обычное для этого сезона явление, стучал по подоконнику, как стучат челноки текстильных фабрик Прато — неторопливо, привычно, монотонно. Но сегодня к этому ритму примешивался низкий, вибрирующий гул... будто город терял дыхание. Лола не знала, откуда это — из серверных мануфактур, что лежали на той стороне Бизенцио или из её собственной груди. Чувствовала только, что пульс города сбился, её палец сам собой лёг на запястье.

За окном теплыми точками горели окна фабрик, тех самых, что берегли тайну местного сукна. Лола разжала плечи. На кухне тикали старые часы, остывал ужин, пахло томленным в оливковом масле розмарином. Сотни таких вечеров уже были и будут еще.

Она потеряла плечи и обернулась. Маттео, ее жених, сидел на смятых простынях и что-то мастерил из старого газетного листа. Пальцы двигались быстро, уверенно, будто он делал это уже тысячи раз.

— Что это? — спросила Лола.

— Журавлик, — ответил он, не поднимая глаз. — В детстве я думал, что если сложить тысячу таких, то желание исполнится. Но у меня никогда не хватало терпения. А сегодня, — он поднял на нее глаза и улыбнулся, а Лола, как всегда, застыла, на мгновение сбилась с мысли, — сегодня хочу загадать одно.

Она села рядом.

— И какое же у тебя желание?

— Чтобы мы никогда не расставались. И чтобы ты всегда смотрела на меня вот так.

— А если я буду смотреть по-другому?

— Тогда я сложу ещё одного. И ещё. Пока не получится.

Она взяла журавлика, провела пальцем по бумажному крылу.

— Scemo.

— Дурачок, но твой, — отозвался он и чмокнул её.

Лола ответила долгим поцелуем, положила журавлика на кровать, принялась выталкивать жениха в душ.

— Пора ужинать!

Вскоре из-за двери ванной полился баритон, что-то из Пуччини, земляка Маттео. Лола улыбнулась. И всё же это ощущение мнимой безопасности казалось ей подозрительным.

Она любила астрологию и до встречи с Маттео консультировала клиентов, но давно уже не зависала над координатами планет. Теперь вела колонку гороскопов для «Вестника Прато» и каждое утро убеждала себя, что это одно и то же. Разве нет?

Когда-то она читала натальные карты, и, как опытный ткач определяет по одному взгляду состав нити и тип плетения, могла предупредить о кризисе клиента раньше, чем тот постучится в дверь. Теперь же писала: «Овнам стоит избегать конфликтов», «Скорпионы сведут с ума своей подозрительностью». Чужие судьбы больше не разбирала на волокна, да и свою давно не читала.

А зря. В эти дни Меркурий снова топтался по взрывному месту в ее персональном гороскопе, двум злым планетам — Марсу и Сатурну. Это случалось раз в год и никогда не проходило незаметным. В прошлый раз она порезала палец о страницу журнала. Мелочь. Но тогда ей казалось, что Вселенная стучится в дверь: *Лола, обернись*.

Раньше она записывала каждое похожее событие в кожаный блокнот, который теперь лежал где-то в нижнем ящике стола, под слоем пыли, вместе со старыми атласами звезд, фотографиями, дневниками — со всем, что она забрала из дома покинувшей этот мир матери. Время, прежде уходившее на расшифровку небесных знаков, теперь принадлежало Маттео.

Нет, она не жалела. Просто иногда — как сегодня — ей казалось, что в дожде звучит что-то ещё. Что-то, что давно пытается с ней заговорить.

— Хватит. — велела она себе. — Надо отвлечься. Пошалить.

И превратилась в кошку. Подкралась к гардеробу, чтобы выбрать самое дерзкое — свои стринги, особо провокационные, из черного кружева, прикоснулась к ним губами:

— Маленький сюрприз на память обо мне! — промурлыкала она, рассматривая «кандидата» на вешалке в гардеробе. Выбор пал на любимый костюм Маттео из дорогой темной шерсти. Поддавшись интуиции, она запустила руку в карман. Пальцы тут же нащупали нечто прохладное, шелковистое. Лола втянула носом воздух. Что это? Рука настойчиво шарилась в кармане пиджака, затем торжествующе выудила платочек из темно-синего шелка. Взгляд сам собой пробежал по ткани: качество, плотность плетения, дорогая вышивка, точно не из дешевых масс-маркетов, с которыми последнее время возился Маттео, текстильный агент с репутацией человека, способного продать воздух. Пальцы стиснули шелк, приблизили к носу. В ушах нарастал низкий гул. Лола больше ничего не понимала. Перед глазами поплыла комната.

Мыслей было слишком много и ни одной цельной.

— Чужой запах? Кто она? Как отвратительно! Мышь! Лабораторная! — Маттео примагничивал женские взгляды, и Лола была уверена, что ее кулак сжимал доказательство измены. Кровь пульсировала в висках. Воздух густел. Стены сдвинулись. Лола ненавидела это чувство. Рванула к окну. Приоткрыла. Продышалась.

— Соскучилась? — дверь ванной выдохнула пар, оттуда, словно с фрески Филиппо Липпи, шагнул Маттео, закутанный в белое полотенце. Капли стекали с темных волос. Глаза цвета гречишного меда непонимающе сверлили ее.

Маттео шагнул, чтобы обнять, но Лола увернулась. Слова, которые она копила, застряли.

— Хорошо. Продолжим, когда вернусь. — Маттео перестал улыбаться, начал быстро, нервно одеваться, застегивая, не глядя, рубашку.

Лола потрясла перед его лицом шелковой находкой.

Он многозначительно ответил:

— Ло, это нечто, совершенно новое. После свадьбы все будет иначе.

— Могу себе представить! — с сарказмом воскликнула она.

Когда он обернулся, в его глазах мелькнула усталость, которую Лола раньше не замечала, натянул кожаную куртку.

Она шагала за ним по пятам, сжимая платок.

Маттео обернулся уже у двери:

— Не превращай меня в своего отца. Я не он.

Лола задержала дыхание. Маттео выхватил платок из её пальцев и вышел.

Дверь хлопнула. Лола вздрогнула. Вязкая тишина расплзлась по квартире.

— Трус! — крикнула она в закрытую дверь, обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, но пальцы только сильнее впивались в плечи. Закрыла глаза и снова вспомнила тот вечер. Такой же хлопок двери. Приглушенный мамин плач. Комната, которая вдруг стала слишком большой и пустой, а тишина давила на уши. С той ночи Лола не выносила тишины и закрытых

дверей. Тесные лифты, маленькие комнаты, в них ей не хватало воздуха. Сейчас она чувствовала то же самое. С кухни все еще тянуло розмарином и нетронутым ужином.

Она бросилась к окну. Внизу мокрый асфальт отражал желтые огни фонарей. Маттео вышел из подъезда, сел в машину, и, не подняв головы, уехал.

Лола направилась в спальню. Когда заметила лежащий на кровати бумажный журавлик, комок подступил к горлу. Она схватила с тумбочки музыкальную шкатулку, подарок Маттео на первую годовщину, прерывисто дыша, завела ее. Балерина закружилась под тонкий механический звон.

— Танцуй, пока можешь, — швырнула шкатулку в стену. Та осколками разлетелась по комнате.

Лола бросилась к шкафу, выхватила футболку Маттео, хотела было разорвать ее несчастную и, по сути, ни в чем не повинную, в клочья. Но сжала в кулаках, зарылась лицом: запах, его запах! Она сползла на колени, отшвырнула футболку, долго дышала в ладони, пока не отпустило. Убрала руки от лица:

— Дура! Настоящая дура!

Поднимаясь, наклонилась, чтобы собрать осколки, порезала палец. На коже выступила тонкая алая нить.

Лола замерла, разглядывая её. Опять, как в прошлом году, она порезала палец. Остается надеяться, что это самое страшное, что могло случиться.

— Спокойно, синьорина, — сказала она вслух, обернув порез краем положа сорочки. — Это мы уже проходили. Только в другом антураже. Без боя не сдадимся. Устроим себе ворота Золушки (так в астрологической медиа-среде принято называть периоды благополучия и сказочного везения, когда планеты выстраиваются так, что даже в самой безнадежной ситуации внезапно появляется шанс выйти замуж). Будет, как в сказке: карета из тыквы, бал вместо золы.

Она заклеила палец пластырем, собрала осколки, уселась с ноутбуком на кровать, рядом с бумажным журавликом. Пальцы запорхали над клавишами, вбивая текущие дату, время и место. Цветной зодиакальный круг расцвел на экране, а на нем — темные значки планет, к которым тянулись линии, аспекты.

— Давненько я этим не занималась. Упаси боже полагаться сейчас на эмоции, — прошептала Лола. — Ну вот! Луна в свободном уходе. Что в такой момент может случиться? Ровным счетом ни-че-го!

И тут она заметила рядом на полу фигурку балерины с отколотой рукой:

— Что, и тебе досталось? Ничего. Я склею. И тебя, и нас. — Сказала она игрушке.

Лола задумалась, взяла телефон, набрала его номер. Но ей ответила гудки, а потом головная почта.

— Ехать к нему в офис среди ночи — безумие, — она быстро одевала джинсы, тренч, взяла с тумбочки ключи.

На улице моросил мелкий дождь. Белая пятиэтажка времен шестидесятых встретила Лолу тишиной. Она скажет Маттео, что всего лишь хотела отметить с ним годовщину встречи. Остановившись, засомневалась: что она собирается там найти? Что он работает, а не нежится в теплой постели с любовницей? А если ее все же встретит темнота пустынного офиса? Она действительно готова встретиться с соперницей?

— Выжить — так красиво. Провалиться — элегантно. В любом случае — с достоинством, — бубнила Лола. — Скажу, по-журналистски непредвзято, «адьес, аморе мио!». Уже завтра начну новую главу жизни — «Плевать на все и оставаться шикарной».

Лола обогнула здание, чтобы пройти через черный ход. Жаль, что не на эту сторону выходили окна офиса, она бы знала, к чему готовиться. Замок под дрожащими пальцами поддался не сразу, гулко щелкая в тишине. Дверь открылась, впуская Лолу.

Поднимаясь по лестнице на четвертый этаж, она заметила, как в бледном свете аварийной лампы в пролете между этажами мелькнула фигура. Высокая. Будто кто-то вышел из офиса, но заблудился в коридорах, в длинном плаще и шляпе, скрылся.

Офис встретил ее светом, запахнутой дверью и тишиной.

— Маттео? Аморе? — нараспев, игриво произнесла она. — Я здесь. Шоу может начинаться.

На столе стояла чашка с недопитым кофе и логотипом какого-то крупного клиента. Чуть поодаль лежала пустая упаковка Ксанакса. «Странно. С каких пор он это принимает?» Внутри закралось сомнение.

— Маттео?— Лола осмотрелась. В офисе, больше напоминавшем рабочий кабинет с примыкающей к нему подсобкой, вряд ли можно бы было не заметить жениха. В глаза под запахнутыми окнами бросился все тот же платок, причина раздора этого вечера. Лола подняла его, положила в карман.

— Маттео?.. — в голосе зазвучали тревожные ноты.

Почувствовав неладное, она выглянула в окно.

Прямо под ними, на мокром асфальте, в свете тусклых фонарей в неестественной позе, лежал Маттео. Руки раскинуты, голова набок. Темное пятно расплылось под ним. Ладонь сама дернулась к губам, пытаясь заглушить крик. Лола метнулась к лестнице. На ходу, прерывисто дыша, она доставала из клатча телефон. Пальцы скользили, нажимали не те кнопки «один, один, восемь нет, не так. Черт!» Наконец, ей ответили. Не дослушав, она выкрикнула:

— Скорее! Виа Мадзини, 22. Мужчина выпал из окна! Скорее!

Из стеклянной сторожки показался сонный, тучный охранник и неуклюже побежал за ней.

— Маттео! Маттео! — причитала Лола, бросаясь к жениху.

Охранник что-то невнятно бормотал за ее спиной.

Маттео неподвижно лежал, раскинув руки. Лола дрожащими пальцами коснулась его шеи, пытаясь нащупать пульс:

— Все кончено.

Мысли обрушились холодной волной. Она застыла и механически фиксировала безжизненное тело любимого, с которым уже никогда не пойдет под венец. Мир вокруг растворился, опустел, застыл. Он ушел. А она осталась. Одна. Все-таки на поводу журналистского инстинкта, до приезда полиции, Лола поднялась в офис Маттео, сделала несколько быстрых фото на телефон.

Когда снова вернулась к телу Маттео, тишину рассекли сирены скорой помощи — ближайший госпиталь находился в десятках километрах отсюда. Врачи тут же констатировали смерть. Что-то спрашивали. Подъехал полицейский наряд: пожилой мужчина, второй, похожий на студента. Классика жанра.

Девушка-фельдшер в светоотражающей куртке предложила Лоле успокоительного, но она отвела ее руку с протянутым пластиковым стаканом, достала телефон. Набрала номер Энцо, друга семьи. Маттео с ним сотрудничал. Они всегда оставались неразлучными.

— Энцо, Маттео. Он разбился.

— Как? Еду! — раздался сиплый голос.

На автомате Лола отвечала на вопросы инспектора Росси: во сколько и зачем приехала, как зашла, что увидела, слышала. Показания. Допрос. Протокол. Подпись. Адрес, куда подъехать. Фигуру не упомянула, побоялась, что сочтут истеричкой.

Энцо припарковался рядом с ее машиной. Лола едва кивнула ему. Полицейские снова спросили о Маттео: замечала ли она что-нибудь странное в его поведении, кто хозяин помещения, как с ним связаться. Энцо представился, отвечал вместо нее. Голоса расплывались,

стихали. Лола, не отрываясь, смотрела на тело жениха. Когда сотрудники полиции закончили допрос, Энцо настоял отвезти ее домой.

— Оставь машину здесь. Завтра утром пораньше пригоню тебе. — Тихо сказал он, и Лола потянулась его обнять. Слишком давно они знали друг друга. Слишком многое их объединяло.

По дороге Лола смотрела в окно, но ничего не видела. Энцо говорил об обществе милосердия, что оно занимается организацией похорон, что он обо всем договорится, как только полиция отдаст тело. Но его слова проходили мимо, будто их смывало дождем. Заметив, что Лола не слушает, он смолк.

У подъезда вышел, открыл ей дверь, помог выйти. Вместе они дошли до двери квартиры.

— Уверена, что хочешь остаться одна? — Лола устало кивнула. Он снова обнял ее. — Звони, если что.

Она посмотрела мимо, достала ключи. Открыла дверь. Вошла.

Прошла по квартире. В спальне на кровати лежал бумажный журавлик. Она взяла его, скомкала, и вдруг поняла: он никогда не взлетит. Сжала в руках кисть, качнулась, прислонилась к стене, сползла на холодный пол.

Не плакала. Не молилась. Смотрела в одну точку. Потом поднялась, пошла на кухню. К тому месту у окна, где обычно устраивался Маттео, рассказывал о событиях дня, задавал ей вопросы, шутил. Теперь он больше там не сядет. Никогда.

Дождь по крыше все также стучал — “Я вдова. Я вдова. Я вдова.” — и высек у Лолы скупую слезу.

Она смахнула ее, достала из кармана синий платок, развернула. Поднесла его к свету, рассмотрела:

— А это что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.